

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА ЖАНРА «УНИВЕРСИТЕТСКИЙ РОМАН»

Ерохина Екатерина Павловна

магистр, Челябинский Государственный Университет, РФ, г. Челябинск

Intertextuality as an integral feature of the university novel genre

Ekaterina Erokhina

master, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. Авторы университетских романов часто прибегают к интертексту в двух его формах – аллюзия и цитирование. В статье приведен разбор интертекстуальных включений, встречающихся в произведениях современных англоязычных авторов.

Abstract. Authors of university novels often resort to two modifications of intertextuality: allusion and quotation. The article dwells upon use cases of intertextuality found in works of modern English-language writers.

Ключевые слова: университетский роман; аллюзия; цитата; интертекстуальность

Keywords: university novel; allusion; quotation; intertextuality

Университетский роман, как жанр современной англоязычной литературы, самобытен и уникален, но при этом обладает способностью сочетать в себе черты множества других жанров и романов. Данный жанр является сплавом психологического романа и его разновидности, романа воспитания, романа испытания, романа идей, социального романа и т.д.

Авторы филологических романов и романов изучаемого нами жанра нередко прибегают к интертекстуальности. Одной из форм интертекста, широко используемой авторами университетских романов, является цитирование. Многие писатели в качестве эпиграфа к произведениям и его главам избирают цитаты великих прозаиков, поэтов, ученых и т.д. Донна Тартт, получившая свое образование в университете Миссисипи, а затем в частном колледже Беннингтона в Вермонте, большую часть своих сил бросила на изучение английской литературы и греческого языка. Годы занятий филологией не прошли даром для юного автора. К примеру, перед прологом она поместила цитату Ницше:

I enquire now as to the genesis of a philologist and assert the following: 1. A young man cannot possibly know what Greeks and Romans are. 2. He does not know whether he is suited for finding out about them [8].

И вот я задаюсь вопросом о том, кто и как становится филологом, и утверждаю: 1. В юности человек не имеет ни малейшего представления о древних греках и римлянах. 2. Он не знает, пригоден ли к тому, чтобы сделать их предметом своего изучения [4].

Включением данной цитаты в пролог Тартт достигает двух целей: она приоткрывает читателю дверь в мир, в рамках которого произойдут все основные события книги (мир университета и кафедры, изучающей греческий язык), а также сразу погружает нас в атмосферу языкознания.

Второй цитатой стало высказывание Платона:

Come then, and let us pass a leisure hour in storytelling, and our story shall be the education of our heroes [8].

Так давай же уделим беседе добрую толику времени, и речь у нас пойдет о воспитании наших героев [4].

Данная цитата иллюстрирует одну из основных тем, которые затронуты в произведении: тему воспитания. Как в большинстве романов воспитания в «Тайной истории» есть некий наставник, который ведет своих подопечных по дороге добра или зла.

Помимо этого, в речи героев произведения встречаются цитаты на французском:

Bonjour, Monsieur Laforgue. Quel plaisir de vous revoir [8, p.82].

Добрый день, месье Лафорг. Как приятно снова вас видеть [4, с.102].

Даже простые и не требующие на первый взгляд языка Мольера вещи, такие как название блюда из камбалы, щепетильно переводятся главными героями на французский, делая их речь благороднее:

Sara Murphy, no mean hostess herself, once wrote him pleading for his recipe for sole véronique [8, с.101].

Сара Мерфи, будучи вполне состоявшейся хозяйкой приемов, однажды написала Джулиану, умоляя поделиться с ней рецептом sole véronique [4, с.127].

На наш взгляд это обусловлено давним убеждением, что французский является языком элиты, аристократии, людей образованных и не жалеющих времени на собственное разностороннее развитие. Сам премьер-министр Франции Лионель Жоспен позволил себе сказать, что английский останется языком международного общения на бытовом уровне, но французский навсегда сохранится как язык элиты.

Однако чаще всего читателю придется видеть эпитафии на латинском и греческом. Банни, один из героев Тайной истории, приветствует главного героя, Ричарда, своего товарища по кампусу словами на латыни: «*Salve, amice! Valesne? Quidagis?*» и отвечает на его реплику смесью латыни и английского: «*Benigne dicis. Мне гораздо лучше*». Сплетенная из нескольких языков, речь героев объясняется тем, что герои живут греческой культурой и изучением языка, находятся под сильным влиянием своего преподавателя греческого, который активно прививает им любовь к культуре Древней Греции, её загадочности и красноречию.

It's a very Greek idea, and a very profound one. Beauty is terror. Whatever we call beautiful, we quiver before it [8, p. 14].

Ещё одним приемом, позволяющим читателю глубже проникнуться атмосферой альма-матер – многочисленные явные и завуалированные аллюзии на известных и авторитетных авторов, и их бессмертные творения.

Аллюзия – это элемент художественной системы, в котором содержится авторское использование конкретного факта, имевший место в мифологии, истории, литературе или

политике страны языка оригинала и закреплённый в разговорной речи и культуре его носителей [1, с.19].

Уже в самом начале, знакомя нас с одним из центральных персонажей произведения, Лодж подчеркивает его причастность к миру литературы и филологии аллюзиями на знаменитые произведения:

Филипп Лоу отличался неподдельной любовью к литературе во всех ее многообразных проявлениях. Его радовали и «Беовульф», и Вирджиния Вулф, и в те редкие минуты, когда под рукой не оказывалось более достойных образцов печатного слова, он внимательно прочитывал надписи на пакетах с кукурузными хлопьями, мелкий шрифт на железнодорожных билетах и рекламный текст на почтовых марках. [2, с. 18].

Philip Swallow was a man with a genuine love of literature in all its diverse forms. He was happy with Beowulf as with Virginia Woolf, with Waiting or Godot as with Gammer Gurton's Needle, and in odd moments when nobler examples of the written word were not to hand he read attentively the backs of cornflakes packets, the small print on railway tickets and the advertising matter in books of stamps. [6, p. 22].

Даже фамилия Swallow («глотать, поглощать») в данном случае является говорящей. Филип буквально поглощает книги различных жанров, направлений, тематик, постоянно переключая свой интерес. Неизменной остается лишь верность печатному слову.

В этом же произведении, один из главных героев и непосредственных участников академического обмена – профессор Цапп, является экспертом в биографии и работе Джейн Остин и грезит о том, чтобы написать самые детальные комментарии ко всем произведениям автора, тем самым лишив работы в данном направлении своих коллег по цеху. Не единожды мы встречаем на страницах книги упоминания самой писательницы и ее романов «Чувство и чувствительность» и «Гордость и предубеждение» и т.д.

То и дело в течение повествования встречаются имена знаменитых писателей и их книг:

Анжела рыщет взглядом по книжному шкафу, замечает одну книжку, достает ее и показывает Свенсону. Естественно это Стендаль. «Красное и черное» [3, с. 67]

Angela prowls his bookcase, then pounces, sliding a book from the shelf. She shows it to Swenson. It's Stendhal. The red and the black. [5, p.70]

Сам сюжет Тайной истории напоминает нам аллюзию к одному из наиболее приоритетных произведений русской классической литературы – «Преступлению и наказанию» Достоевского. При ближайшем рассмотрении два произведения имеют много общего. Основное внимание в романе Таррт уделено душевным метаниям и мукам совести, вперемешку со страхом быть пойманными и наказанными. Весь этот спектр эмоций очень напоминает чувства героя «Преступления и наказания». Главные герои анализируемого университетского романа, как и Раскольников, являются студентами, а сама идея вакханалии, которая воплотилась благодаря навязчивому желанию проверить «а что, если ...», имеет явное сходство с мыслями Раскольникова об испытании себя. Студенты в романе Таррт дважды, как и он, переступили черту закона и морали. Первый раз в обоих произведениях это было сделано по чистой случайности, а второй – намеренно и продумано.

В университетском романе «Голубой ангел» можно проследить аллюзию к произведению Готторна «Алая буква». Основными темами двух романов являются пуританство, запретные отношения, грех, наказание, раскаяние. Под давлением общества и мук совести главный герой Проуз, Теодор Свенсон, во всеуслышание признается в интрижке со студенткой. По аналогии с «Алой буквой» в «Голубом ангеле» фигурирует «разъяренная толпа» в лице преподавателей и начальства университета. Правда, в отличие от финала романа Готторна, где согрешивший и раскаявшийся священник умирает, Свенсона можно назвать погибшим лишь фигурально. Адюльтер с несовершеннолетней студенткой становится причиной гибели его супружеской жизни, карьеры и положения в обществе.

В основном, интертекст встречается в университетских романах в двух формах – цитирование и аллюзия. Авторы жанра прибегают к цитированию известных деятелей искусства, науки или литературы для того, чтобы подчеркнуть принадлежность действующих лиц к определенной эпохе или прослойке общества. Аллюзия в университетских романах закладывает скрытые от глаз массового читателя сообщения, увидеть и понять которые может только человек, знакомый с эпохой, философией или литературным произведением, на которое сделана аллюзия, т.е. человек образованный и всесторонне развитый.

Список литературы:

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л. – 1973.
2. Лодж Д. Академический обмен: история о двух кампусах. Независимая газета. – 2000.
3. Проуз Ф. Голубой ангел. Иностранка. – 2000.
4. Тартт Д. Тайная история. – 1993.
5. Francine P. Blue Angel. Harper Collins. – 2000.
6. Lodge D. Changing places: a tale of two campuses. Penguin books. – 2000.
7. Mortimer R. Proctor. The English University Novel. University of California Press. – 1957.
8. Tartt D. The Secret History. Donna Tartt. Penguin Books. – 1993.